

Этика как конструктивный процесс

А. И. Бродский

Санкт-Петербургский государственный университет

abrodsky59@mail.ru

Аннотация. В 80-х гг. прошлого века И. Н. Бродский опубликовал ряд статей, в которых рассмотрел возможность применения *интуиционистской* логики для анализа различных конструктивных процессов, прежде всего для анализа технического творчества. В настоящем докладе рассматривается возможность применения такой логики в сфере этики. DOI: 10.52119/LPHS.2024.94.88.001.

Ключевые слова: этика, логика, обоснование, конструктивизм, интуиционизм.

1. В начале 80-х гг. прошлого века И. Н. Бродский опубликовал ряд статей, в которых рассмотрел возможность применения *интуиционистской* логики для анализа различных конструктивных процессов (см., например, [1; 2]). Интуиционистская логика была создана А. Гейтингом для формализации *интуиционистской* (*конструктивной*) математики и вне математической сферы никогда не применялась. И. Н. Бродский предложил использовать ее для изучения *технического* творчества, лишь попутно заметив, что такая логика может использоваться и для изучения искусства, экономической и правовой деятельности и т. п. Мне — человеку, в целом чуждому логико-математическим штудиям, — эта идея показалась весьма значимой для изучения истории моральной философии и, прежде всего, решения проблемы обоснования морали.

Изучение попыток обоснования морали в истории философии подводят к вполне ожидаемому выводу: обоснование морали — одно из самых «неудачных» предприятий человеческой мысли. В наши дни либо возможность обоснования морали вообще отрицается, либо в нем используются такие методы, несостоятельность которых давно доказана. Ситуацию, когда либо вообще отрицается возможность существования какой-то научной дисциплины либо в этой дисциплине используются методы, логическая несостоятельность которых доказана, нельзя назвать иначе, как ситуацией кризиса. В XX веке аналогичный кризис пережили многие науки: математика, физика, психология, история. В результате в этих науках произошла революционная смена парадигм. В нормативной этике кризис оказался затяжным. И возможности этой науки в будущем необходимо связать с радикальным изменением характерных для нее способов рассуждения и представлений о своем предмете.

Как же может выглядеть такая смена парадигмы в этике? Я полагаю, что она может быть очень похожа на те изменения в представлениях о математике, которые предложил в начале прошлого века т. н. *математический интуиционизм* (*конструктивизм*). Математика и этика схожи по крайней мере в одном: объекты обеих дисциплин не являются «метафизическими сущностями» и не существуют в реальности, подобно физическим объектам. В обоих случаях речь идет о результатах конструктивных процессов. В этике, как и в математике, «существовать» означает «быть построенным». Поэтому допустимо предположить возможность создания *конструктивной нормативной* этики.

В первой половине XX века скепсис относительно возможностей обоснования морали был основан на убеждении, что логическое следование можно определять только в терминах *истины*, *логики* и *непротиворечивости*, а императивы не обладают истинностным значением и поэтому не могут входить составной частью в какое бы то ни было логическое рассуждение. Но в наши дни большинство логиков считает, что определение логического следования

в терминах *истины* и *лжи* является слишком узким. Логика применима не только к дескриптивным (описательным) суждениям. Для императивов аналогом *истины* и *лжи* являются понятия *выполнимости* и *невыполнимости*, а противоречивым считается такой кодекс требований, в котором выполнение одного требования исключает выполнение другого.

Однако невозможно ограничиться только лишь заменой значения «истинно» на значение «выполнимо», оставаясь при этом в рамках классической логики. «Выполнимость» не может обладать такими характеристиками «истинности», как «всеобщность» и «необходимость». Применительно к техническому знанию И. Н. Бродский писал: «Человек вмешивается в естественный ход событий как внешняя и дополнительная его составляющая, добивается наступления маловероятных событий и локального понижения энтропии... Эту способность из множества возможностей выбирать те или иные, а затем способствовать их осуществлению, называют обычно „свободой воли“» [2]. Мне представляется, что к этике приведенное рассуждение применимо не в меньшей степени, чем к техническому творчеству.

2. Опыт конструктивной математики показывает, как возможна недескриптивная наука, наука, в которой не мысли надо привести в соответствие с объектом, а объект в соответствие с мыслями о нем. Понятие *выполнимости* в этике может стать аналогом математической *конструктивности* (построяемости). Существование нормы определяется ее выполнением; не может существовать нормы, которая не могла бы быть выполнена. Поэтому *выполнимость* следует рассматривать как доказательство нормы. Причем речь идет не только о физической возможности осуществления предписанного действия, но и о его согласованности (непротиворечивости) с уже существующими моральными предписаниями. Невыполнимой должна считаться такая норма, выполнение которой исключает выполнение какой-либо уже устоявшейся нормы.

Интуитионизм в математике отверг абстракцию *актуальной бесконечности* и заменил ее абстракцией *потенциальной осуществимости*. Важнейшим следствием конструктивизма в этике должна стать замена традиционной абстракции *всеобщности* и *необходимости* моральных требований абстракцией их *потенциальной выполнимости*. Если абстракция *всеобщности* и *необходимости* моральных норм соответствует установкам этического догматизма, призывающего к выполнению долга невзирая на обстоятельства, а ее отрицание ведет к релятивизму, допускающему возможность существования взаимоисключающих нравственных ориентаций, то абстракция *потенциальной выполнимости* отвечает идеалу «ситуативной этики», предполагающей «гибкое» применение норм в зависимости от обстоятельств.

Таким образом, в конструктивной этике *выполнимость* нормы может пониматься иначе, чем это принято в современной *деонтической логике*. В деонтической логике «норма, согласно которой *X* должно быть сделано, выполняется, если и только если *X* делается во всех случаях, когда имеется благоприятная возможность сделать *X*, и не выполняется, если и только если *X* не делается в некоторых случаях, когда такая возможность существует» [3, с. 303]. В конструктивной этике, напротив, норма, согласно которой *X* должно быть сделано, выполняется, если и только если *X* делается в некоторых случаях, когда имеется благоприятная возможность сделать *X*, и не выполняется, если и только если *X* не делается во всех случаях, когда такая возможность существует.

С семантической точки зрения, такой подход возвращает нас к т. н. *этическому пробабилизму* — направлению *казуистики*, допускающему в некоторых случаях использование маловероятных моральных мнений, на котором настаивали отцы-иезуиты XVII в. (А. Эскобар-и-

Мендоза, А. Диана, Г. Бузенбаум). В современной трактовке пробабиллизм ориентирует на использование вероятностных моделей языка при решении проблемы значения этических терминов. Особенность этического абсолютизма заключается прежде всего в том, что каждому этическому термину приписывается какое-то одно, жестко фиксируемое значение, которое не меняется в любых ситуациях. В действительности же этические термины, как и любые другие языковые знаки, вероятностным образом связаны с множеством значений. Более или менее вероятные значения, например, термина «добро» — это примерно то, что казуисты называли более или менее достоверными мнениями, так как в обоих случаях речь идет о степени распространенности каких-либо нравственных представлений. Таким образом, к семантике этических терминов в процессе принятия нравственных решений может быть применен предложенный в 70-х годах XX века В. В. Налимовым метод вероятностного анализа речевых актов [5]. Сам Налимов неоднократно подчеркивал, что предложенная им вероятностная модель языка позволяет проследить не только процессы понимания и создания текстов, но и «поведение человека — изменение его ценностных представлений в новой ситуации» [6, с. 52].

Особо следует отметить, что в этике, как и в любой другой *конструктивной дисциплине*, не всегда действуют некоторые законы классической логики. Так, например, в ней не всегда действует закон *исключенного третьего*, а значит и связанные с ним законы *двойного отрицания* и *привидения к абсурду*. По отношению к бесконечному множеству возможных случаев мы не можем утверждать ни что некоторое действие всегда является морально хорошим, ни что оно никогда не является таковым. Иными словами, в этике имеют место такие ситуации, когда ни суждение, утверждающее данную норму, ни отрицание этого суждения нельзя считать истиной.

3. Конструктивная этика, на мой взгляд, обладает неоспоримым преимуществом перед популярными в наши дни *этикой дискурса* Ю. Хабермаса и *этикой нарратива* А. Макинтайра. В первом случае обоснованность нравственной нормы отождествили с достижением консенсуса. Выбор поступка считается здесь оправданным, только если все, кого этот поступок может коснуться, согласятся с его нравственной обоснованностью (см. [7]). При таком подходе всегда в конце концов оказывается, что стихийно сложившийся уровень и характер нравственных представлений является высшим критерием правильности принимаемых решений. Из моральной сферы в этом случае исключается творчество, новаторство, которое всегда идет наперекор общепринятым мнениям. Можно представить себе, что осталось бы от христианства, если бы Христос во время Нагорной проповеди думал о *консенсусе* с фарисеями.

Во втором случае подвергается сомнению знаменитый «принцип Юма», утверждающий логическую невыводимость прескриптивных высказываний из высказываний дескриптивного характера. В качестве контрпримера приводят рассуждение типа «Он морской капитан, следовательно, он должен делать то-то и то-то», которое якобы показывает, что посылка «есть» может временами давать заключение «должно». Однако в данном примере понятие «морской капитан» — это наименование идеала, стандарта, а не эмпирического факта. В этике подобным образом можно было рассуждать до тех пор, пока традиция предлагала нарратив о «совершенных богах» или «неповрежденном смертным грехам» человеке. Когда такая составляющая традиционной культуры оказалась утерянной, тогда невыводимость прескрипций из дескрипций была осознана в качестве логического закона. А в результате, как признает сам

Макинтайр, «в области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения» [4, с. 61].

Таким образом, этический конструктивизм говорит о том, что пора перестать смотреть на моральные требования как на объективные законы жизни, «подаренные» нам Богом, Природой или Историей. Никто людей ни к чему не обязывает. Мораль — это наше «изобретение», а свобода — это не выбор между поставленными передо нами добром и злом, а наше созидание добра и зла.

Литература

1. Бродский И. Н. О специфике технического знания. *Философские науки*, 1981, № 3, с. 24–33.
2. Бродский И. Н. Технические знания и конструктивные процессы. *Творческая природа научного познания* / под ред. Д. П. Горского. М.: Наука, 1984, с. 222–236.
3. Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина, логика / пер. с англ. П. Быстрова. Вригт Г. Х. фон. *Логико-философские исследования. Избранные труды*. М.: Прогресс, 1986, с. 290–410.
4. Макинтайр А. *После добродетели. Исследование теории морали* / пер. с англ. В. Целищева. М.: Академический проект, 2000.
5. Налимов В. В. *Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков*. М.: Наука, 1974.
6. Налимов В. В. *В поисках иных смыслов*. М.: Прогресс, 1993.
7. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие* / под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2001.